

Не знаю,
Врут иль правду говорят,
Но вот уже который год подряд
По Таллиннской брусчатке
К Нарве,
К Нарве
Идёт ночами
Боевой отряд.
Чеканным шагом,
По четыре в ряд
Идут,
Пылят,
Окурками соряют,
И звёзды
На истрепанных пилотках
Рубиновыми искрами горят.
В петлицах тускло блещут кубари,
Заржавленные насмерть винтари,
Качаясь за сутулыми плечами,
Царапают штыками
Флаг зари.
Полсотни лет
Бойцы рубеж держали –
В окопе ли,
В руинах блиндажа ли.
За Родину полёгшие в бою
Лежали
Не внесёнными в скрижали,
Но не жалели,
Что не возмужали,

78

Не жали хлеб,
Девчат не провожали,
А яростный оскал
В зубах зажав,
Атаку
За атакой
Отражали.
И вот теперь,
При нынешнем режиме,
Они нежданно сделались
Чужими.
Режимы,
Как им славно ни служи,
Перелицовкой правды
Одержимы.
Навыорот историю края,
От мертвецов
Не слышат возражений,
И павшие
С полей былых сражений
В родные
Возвращаются
Края.

ОН НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ ЭДЕЛЬВЕЙСА

Тонули горы в пене облаков.
Ландшафты были – как на вернисаже.
А лейтенант не жаловал пейзажи,
Он был таков – чудаков из чудаков.

Он был таков – навроде сухаря.
Он был таков – сибирского замеса.
Он никогда не видел эдельвейса,
Хотя по ним шагали егеря.

Ладони жгли горячие стволы.
Фашисты шли в атаку, как лавины.
А эдельвейсы были так невинны
И были так немислимо белы.

Альпийский луз от маков был пунцов,
Дразня бойцов нежнейшим ароматом.
А лейтенант ругался в трубку матом
И всё просил «подбросить огурцов».

Среди огня, гранита и свинца
Не до цветов, ему тогда казалось.
Ему судьба, казалось, улыбалась,
А он, чудака, прикрыл собой бойца.

Он почитал цветы за ерунду.
Он был сухарь сибирского замеса.
Он никогда не видел эдельвейса,
Что так похож на белую звезду...

СИНИЙ ЧУЛОК

Чулочек? Я их у ней не видел сроду.
Вот выдумали глупую остроуту!
В придачу – синий! Эдакие шутки!
Мороз был в эту зиму просто жуткий.
Какой чулок? Вокруг одни руины.
Вокруг – снаряды, бомбы, пули, мины.
А тут – она, девчонка-канарейка,
Не по размеру ватник-телогрейка.
И сапоги таскала – сорок третий,
Поменьше не успели присмотреть ей.
И как она их, бедная, носила?
Откуда в ней была такая сила?
Неясно, чем душа держалась в теле,
Одни глазищи серые блестели.
Сама – как спичка, косы – как из пакли,
Насквозь горелым порохом пропахли.
Худая шея. Тоненькие руки.
А на прикладе – сорок три зарубки.
Солдат девчонка положила с роту,
Да только счёту не вела им сроду:
Считала от фельдфебеля и выше...
Ну, нам-то ладно, мы к смертям привыкли.
Ну, нам-то ладно, с сердцем огрубелым,
А ей бы – на свиданье, в платье белом...

Зачем, зачем, скажите бога ради,
Она осталась в этом Сталинараде?
Ну, я-то ладно: нас, таких, до чёрта
Лежит без опознания и учёта.
Так было надо, я и не в обиде.
А вот чулок я у неё
Не видел...

ЖУРАВЛИ

Глазницы окон в день вчерашний вперя,
Ещё горел расстрелянный Рейхстаг,
И гордо реял кумачовый флаг
Над логовом затравленного зверя,
А журавли,
Обняв небес простор,
Взрезая тучи поредевшим клином,
Летели
Над поверженным Берлином,
Курлыча,
К дому,
К солнцу –
На восток.
Весенним утром с привкусом полыни
Сквозь дымной гари сумрачную взвесь
Несли на крыльях дорогую весть
К могилам Лидице
И угольям Хатыни.
И, пачкая белилами мундир,
Писал солдат советский,
Слёз не пряча,
Рукой дрожащей
На стене горячей
Огромное,
Как небо,
Слово
«МИР».

79

ЧЁРНО-БЕЛОЕ КИНО

Водя смычком по голым нервам,
В окопе ныли комары.
Рванув ТТ из кобуры,
Старшой шагнул за бруствер первым.
Ах, как же было неохота
Навстречу смерти
В двадцать лет,
Но ротный поднял пистолет
И заорал:
«Подъём, пехота!
Вперёд! За Родину! Ура-а!»
И отступила боль и жалость,
И льдистым комом что-то сжалось

*Вдруг у четвёртого ребра.
Примкнув гранёные штыки,
Ощерясь яро-криворотом,
Лавиной покатила рота
Со смертью наперегонки.
Земля избитая сыра,
На сапогах, наверно, тонны.
Разрывы, хрипы, крики, стоны.
«Вперёд! За Родину! Ура-а!»
Свистит свинец у головы.
Протяжно завывает мина.
Разрыв. Разрыв. И снова – мимо.
Огонь. Воронки. Лывы. Рвы.
«Вперёд! За Родину! Ура-а!»
Скрежещут танковые траки.*

*И жаждет каждый мускул драки,
И ярость хлещет из нутра.
«Вперёд! За Родину! Ура-а!»
В штыки, братва! Вот это дело!
Железо с хрустом входит в тело.
Вот-вот прогнётся немчура...
И вдруг внезапный выкрик:
«Снято!
Спасибо всем. Гасите свет.
Массовке можно в туалет.
Курите полчаса, ребята».*

*Уткнув разбитый нос в платок,
Сказал статист, игравший фрица:
«Эк надо было умудриться!
Ну ты и вжился в роль, браток...»*

